

Письмо к маме

Ты сидишь на нарах посреди Москвы.
Голова кружится от слепой тоски.
На окне — намордник, воля — за стеной,
ниточка порвалась меж тобой и мной.
За железной дверью топчется солдат...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.
Следователь юный машет кулаком.
Ему так привычно звать тебя врагом.
За свою работу рад он попотеть...
Или ему тоже в камере сидеть?
В голове убогой — трехэтажный мат...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.
Чуть за Красноярском — твой лесоповал.
Конвоир на фронте сроду не бывал.
Он тебя прикладом, он тебя пинком,
чтоб тебе не думать больше ни о ком.
Тулуп на нем жарок, да холоден взгляд.
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.
Вождь укрылся в башне у Москвы-реки.
У него от страха паралич руки.
Он не доверяет больше никому,
словно сам построил для себя тюрьму.
Всё ему подвластно, да опять не рад...
Прости его, мама: он не виноват,
он себе на душу греха не берет —
он не за себя ведь — он за весь народ.

Мое поколение

Всего на одно лишь мгновенье
раскрылись две створки ворот,
и вышло мое поколение
в свой самый последний поход.
Да, вышло мое поколение,
усталые сдвоив ряды.
Непросто, наверно, движенье

в преддверии новой беды.
Да, это мое поколение,
и знамени скромн наряда,
но риск, и любовь, и терпенье
на наших погонах горят.
Гудят небеса грозовые,
сливаются слезы и смех.
Все — маршалы, все — рядовые,
и общая участь на всех.

Все глуше музыка души

Все глуше музыка души,
все звонче музыка атаки.
Но ты об этом не спеши:
не обмануться бы во мраке,
что звонче музыка атаки,
что глуше музыка души.
Чем громче музыка атак,
тем слаще мед огней домашних.
И это было только так
в моих скитаниях вчерашних:
тем слаще мед огней домашних,
чем громче музыка атак.
Из глубины ушедших лет
еще вернее, чем когда-то, —
чем звонче музыка побед,
тем горше каждая утрата,
еще вернее, чем когда-то,
из глубины ушедших лет.
И это все у нас в крови,
хоть этому не обучали:
чем выше музыка любви,
тем громче музыка печали,
чем громче музыка печали,
тем чище музыка любви.

Жаль, что молодость мелькнула

Быстро молодость проходит, дни счастливые крадет.
Что назначено судьбою — обязательно случится:
то ли самое прекрасное в окошко постучится,
то ли самое напрасное в объяття упадет.

Так не делайте ж запасов из любви и доброты
и про черный день грядущий не копите милосердь:
пропадет ни за понюшку ваше горькое усердь,
лягут ранние морщины от напрасной суеты.
Жаль, что молодость мелькнула, жаль, что старость коротка.
Все теперь как на ладони: лоб в поту, душа в ушибах...
Но зато уже не будет ни загадок, ни ошибок —
только ровная дорога до последнего звонка.

У поэта соперников нету...

У поэта соперников нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас — о себе.
Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощенья просит:
это он не за вас — за себя.
Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.
То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Все, что было его, — нынче ваше.
Всё для вас. Посвящается вам

Счастливый жребий

После дождичка небеса просторны,
голубей вода, зеленее медь.
В городском саду — флейты да валторны.
Капельмейстеру хочется взлететь.
Ах, как помнятся прежние оркестры,
не военные, а из мирных лет!
Расплескалася в улочках окрестных
та мелодия... А поющих нет.
С нами женщины. Все они красивы.
И черемуха — вся она в цвету.
Может, жребий нам выпадет счастливый:
снова встретимся в городском саду.
Но из прошлого, из былой печали,

как ни сетую, как там ни молю,
проливается черными ручьями
эта музыка прямо в кровь мою.

Святое воинство

Совесьть, благородство и достоинство —
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.
Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.

Послевоенное танго

Восславив тяготы любви и свои слабости,
Слетались девочки в тот двор, как пчелы в августе;
И совершалось наших душ тогда мужание
Под их загадочное жаркое жужжание.

Судьба ко мне была щедра: надежд подбрасывала,
Да жизнь по-своему текла — меня не спрашивала.
Я пил из чашки голубой — старался дочиста...
Случайно чашку обронил — вдруг август кончился.

Двор закачался, загудел, как хор под выстрелами,
И капельмейстер удалой кричал нам что-то...
Любовь иль злоба наш удел? Падем ли, выстоим ли?
Мужайтесь, девочки мои! Прощай, пехота!

Примяли наши сапоги траву газонную,
Все завертелось по трубе по гарнизонной.
Благословили времена шинель казенную,
Не вышла вечною любовь — а лишь сезонной.

Мне снятся ваши имена — не помню облика:
В какие ситчики вам грезилось облечься?
Я слышу ваши голоса — не слышу отклика,
Но друг от друга нам уже нельзя отречься.

Я загадал лишь на войну — да не исполнилось.
Жизнь загадала навсегда — сошлось с ответом...

Поплачьте, девочки мои, о том, что вспомнилось,
Не уходите со двора: нет счастья в этом!

По какой реке...

По какой реке твой корабль плывет
до последних дней из последних сил?
Когда главный час мою жизнь прервет,
вы же спросите: для чего я жил?

Буду я стоять перед тем судом —
голова в огне, а душа в дыму...
Моя родина — мой последний дом,
все грехи твои на себя приму.

Средь стерни и роз, среди войн и слез
все твои грехи на себе я нес.
Может, жизнь моя и была смешна,
но кому-нибудь и она нужна.

Раскрываю страницы ладоней...

Раскрываю страницы ладоней, молчаливых ладоней твоих,
что-то светлое и молодое, удивленное смотрит из них.

Я листаю страницы. Маячит пережитое. Я как в плену.
Вон какой-то испуганный мальчик сам с собою играет в войну.

Вон какая-то женщина плачет — очень падают слезы в цене,
и какой-то задумчивый мальчик днем и ночью идет по войне.

Я листаю страницы, листаю, иступленно листаю листы:
пережитого громкие стаи, как синицы, летят на кусты.

И уже не найти человека, кто не понял бы вдруг на заре,
что погода двадцатого века началась на арбатском дворе.

О, ладони твои все умеют, все, что было, читаю по ним,
и когда мои губы немеют, припадаю к ладоням твоим,

припадаю к ладоням горячим, в синих жилках веселых тону...
Кто там плачет?.. Никто там не плачет... Просто дети играют в войну!